

EHRAC

Бюллетень

В партнерстве с Правозащитным центром «Мемориал», Ассоциацией молодых юристов Грузии и Союзом «Статья 42 Конституции»

От редактора

В своей резолюции от 2 октября Парламентская Ассамблея Совета Европы заявила, что, прибегнув к силе в связи с ситуацией в Южной Осетии, и Грузия, и Россия нарушили принципы и поправили ценности Совета Европы, а также свое обязательство по урегулированию конфликтов мирным путем. Оба государства несут ответственность за нарушения прав человека и норм гуманитарного права. В свете этих недавних событий в основной статье этого номера бюллетеня (автор – Мэтью Хэпполд из Университета Гуллы) рассматривается проблема взаимодействия между нормами прав человека и международного гуманитарного права.

В продолжение нашего исследования проблем, связанных

с исполнением судебных решений, Якуб Воласевич (представитель правительства Польши) и Михал Бальцежак (Университет Николая Коперника, Польша) рассматривают плюсы и минусы процедуры вынесения Европейским Судом пилотных решений, в которых подчеркиваются системные проблемы в сфере прав человека. В другой статье Анджела Патрик и Джоан Соьер из Великобритании объясняют, какие важные функции исполняет Парламентский совместный комитет по правам человека, к которым, в частности, относятся контроль за исполнением решений, связанных с правами человека, и анализ законопроектов.

Также в этом номере Элеонора Давидян (EHRAC-«Мемориал») рассматривает проблему ограничения

прав мусульман в России, Григор Аветисян (EHRAC-«Мемориал») оценивает возможные последствия решения по делу *Гегфгена против Германии*, которое относится к использованию доказательств, добытых с применением пыток, а Натиа Кацитадзе («42 статья Конституции») анализирует практику заключения сделок о признании вины, существующую в Грузии, с учетом принципов справедливого разбирательства. Татьяна Черникова (EHRAC-«Мемориал») кратко излагает основные особенности реформированного механизма Всеобщего периодического обзора, применяемого Советом по правам человека ООН.

Профессор Филип Лич,
директор EHRAC

Права человека в вооруженных конфликтах и юрисдикция ЕСПЧ

Мэтью Хэпполд, преподаватель права, университет Гуллы, барристер, палата 3 Hare Court, Лондон

Недавний вооруженный конфликт между Грузией и Россией ярко высветил важность проблемы применимости норм прав человека к ситуациям вооруженного конфликта и юрисдикции ЕСПЧ над событиями, имеющими место в ходе военных действий.

Взаимодействие международных норм прав человека и норм международного гуманитарного права уже давно вызывает разногласия. Международное гуманитарное право применяется в ситуациях вооруженного конфликта. Несмотря на то, что первоначально оно распространялось только на ситуации международного вооруженного конфликта (войны между государствами), постепенно его сфера действия распространилась на внутренние вооруженные конфликты (гражданские войны), хотя нормы, применяющиеся в таких ситуациях, разработаны слабее, чем весьма подробные положения, применяющиеся в ходе международных вооруженных конфликтов. Что касается

Содержание

От редактора	1	Дело <i>Гегфгена</i> : открытый путь к переосмыслению нарушений ст. 3?	8
Права человека в вооруженных конфликтах и юрисдикция ЕСПЧ	1	Деятельность Совместного комитета британского парламента по правам человека	9
Средства правовой защиты в отношении нарушений прав человека на Северном Кавказе	3	Доклад о надзоре за исполнением решений Европейского Суда по правам человека	11
Механизм Универсального периодического обзора Совета по правам человека ООН: надежда на универсальность и равное отношение к государствам?	4	Судебные дела по правам человека	12
Процедура пилотных решений Европейского Суда по правам человека: «за» и «против»	5	Комментарий: свободы для мусульман	18
Исполнение решений ЕСПЧ по чеченским делам	6	В Грузии все еще существуют проблемы в реализации Конвенции о правах ребенка	19
Практика «переговоров о признании вины» в Грузии: нарушение принципов справедливого разбирательства?	7		

международных норм в области прав человека, которые представляют собой более новый корпус норм, то понятно, что они применимы в мирное время – однако распространяются ли они и на военное время?

Один из ответов на этот вопрос был дан Международным судом ООН в консультативном мнении по поводу законности угрозы или применения ядерного оружия. Рассмотрев аргумент о том, что гибель людей в результате применения ядерного оружия будет являться нарушением их права на жизнь, Суд пришел к выводу, что:

вопрос о том, следует ли считать конкретный факт лишения жизни посредством применения определенного оружия при ведении военных действий произвольным лишением жизни, противоречащим ст. 6 [Международного] Пакта [о гражданских и политических правах], может решаться только посредством обращения к законодательству, применимому в ситуациях вооруженного конфликта, а не выводиться из условий самого Пакта¹.

Иными словами, убийство в военное время нарушает международные нормы в области прав человека только в том случае, если оно нарушает МГП.

Однако этот ответ влечет за собой новые вопросы. Международные суды по правам человека не являются судами общей юрисдикции. Они вправе разрешать дела только с помощью обращения к договорам, которыми они были учреждены. Например, ст. 34 ЕКПЧ предусматривает, что:

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся сторон прав, изложенных в Конвенции или протоколах к ней...»

Межамериканской комиссией по правам человека учреждена практика установления нарушений не только Межамериканской конвенции о правах человека, но и конвенций МГП. Однако в деле *Лас-Пальмерас (Las Palmeras)*² Межамериканский Суд по правам человека счел, что эта практика выходит за пределы его юрисдикции. В этом деле Межамериканская комиссия постановила, что Колумбией было нарушено право на жизнь, закрепленное в ст. 4 Американской Конвенции о правах человека и в общей ст. 3 Женевских конвенций. Однако Межамериканский Суд указал

на то, что, несмотря на наличие у него компетенции, позволяющей ему в случае необходимости интерпретировать Женевские конвенции для истолкования какой-либо из норм Американской конвенции, он не обладает полномочиями по их применению. МГП может применяться только косвенно.

ЕСПЧ также приходится иметь дело с множеством жалоб, возникающих из событий во время вооруженных конфликтов: в частности, в юго-восточной Турции и Чечне. Однако в противоположность Межамериканскому Суду по правам человека, он не применяет МГП – даже косвенно, для определения, была ли нарушена Европейская Конвенция. В деле *Эрги против Турции (Ergi v Turkey)*³, опираясь исключительно на ст. 2 ЕКПЧ, Суд определил, что гибель сестры заявителя в перестрелке между турецкими силами безопасности и партизанами PKK представляла собой незаконное убийство. Аналогичным образом в деле *Исаевой, Юсуповой и Базаровой против России (Isayeva, Yusupova & Bazayeva v Russia)*⁴ ЕСПЧ счел гибель людей, вызванную бомбежкой гражданской колонны российскими военными самолетами, нарушением ЕКПЧ, не прибегая к МГП, несмотря на то, что *Rights International*, неправительственная организация, вступившая в дело в качестве третьей стороны, призывала его к этому⁵.

Трудно понять, по каким именно причинам ЕСПЧ решил пойти этим путем. Возможно, он просто таким образом отвечал на представления сторон. Заявители не всегда желают ссылаться на менее благоприятные нормы МГП, в отличие от ЕКПЧ. А государства-ответчики часто не хотят признавать, что они находятся в ситуациях вооруженного конфликта и предпочитают утверждать, что они просто проводят «полицейскую операцию» против «террористов». Как уже было сказано выше, ЕСПЧ может счесть, что не вправе ссылаться на МГП, хотя это не мешает ему опираться на другие нормы в области прав человека и решения органов по мониторингу прав человека в других местах (см., например, дело *Калашников против России (Kalashnikov v Russia)*⁶), в котором ЕСПЧ ссылаясь на мнение Европейского комитета по предупреждению пыток при вынесении решения о том, что условия заключения заявителя представляли

собой нарушение ст. 3⁷).

Однако нельзя сказать, что позиция ЕСПЧ ставит заявителей в невыгодное положение. Хотя МГП и международные нормы в области прав человека по некоторым вопросам дублируют друг друга (например, в отношении пыток, которые равно запрещены обоими), МГП в целом более либерально. Возьмем конкретный имеющий отношение к нашей теме пример: тогда как ст. 2 ограничивает убийства, совершаемые государством, ситуациями абсолютной необходимости, МГП оценивает этот вопрос, опираясь на понятие соразмерности. Нападение, приводящее к жертвам среди мирного населения, незаконно согласно МГП только тогда, когда оно направлено против мирного населения и гражданских объектов, или причиняет гражданским лицам ущерб, не соразмерный полученному прямому военному преимуществу, или является неразборчивым, поскольку использует неразборчивые средства или методы ведения войны, или без разбора причиняет ущерб гражданскому населению.

Как следствие, ЕСПЧ стремится установить законность поведения Договаривающихся сторон во время вооруженных конфликтов опираясь на ЕСПЧ, а не на МГП (прямо или косвенно). Однако, тем не менее, ЕСПЧ может оказаться не в состоянии вынести решение по таким вопросам, когда конфликт носит национальный характер и военные действия ведутся за пределами территории стороны. Ст. 1 ЕКПЧ гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции». Таким образом, пределы обязательств сторон ограничиваются лицами, находящимися в рамках их «юрисдикции». В деле *Банкович против Бельгии (Bankovic v Belgium)*⁸ ЕСПЧ постановил, что люди, находившиеся в здании сербского телевидения в Белграде, убитые или получившие ранения при бомбардировке военными самолетами НАТО во время косовской кампании 1999 г., не находились в рамках юрисдикции государств-ответчиков. МГП же, в отличие от Конвенции, не имеет таких территориальных ограничений.

Однако из этого правила имеются два исключения. Во-первых, даже за пределами территории Договаривающейся стороны лица,

находящиеся под ее властью и контролем, находятся с точки зрения ЕКПЧ под ее юрисдикцией, как это было признано в деле *Исса против Турции* (*Issa v Turkey*)⁹, где ЕСПЧ признал приемлемой жалобу на убийство семерых мужчин-курдов турецкими силами, действовавшими в северном Ираке¹⁰. Во-вторых, очевидно, что

когда одна Договаривающаяся сторона оккупирует территорию, принадлежащую другой, на население по-прежнему распространяются положения Конвенции, поскольку, по мнению Суда, в противном случае образовался бы вакуум в системе защиты прав человека, предоставляемой ЕКПЧ¹¹.

Если применить эти выводы к недавнему конфликту между Грузией и Россией, то представляется, что ЕКПЧ будет распространяться на деяния обеих сторон, независимо от того, находился ли локус их действий на их собственной территории или на территории другой стороны.

- 1 (1996) ICJ Rep. 66, п. 25.
- 2 Предварительные возражения, решение от 4 февраля 2000 г., Series C no. 66
- 3 № 23818/94, 28.07.98, Reports 1998-IV.
- 4 №№ 57947/00, 57948/00 и 57949/00, 24.02.05.
- 5 Некоторые из формулировок, использованных в решении, почти дословно передавали понятия, содержащиеся в МГП. Однако в тексте не содержалось признания факта такого «заимствования».

- 6 № 47095/99, 15.07.02, Reports 2002-VI.
- 7 Отличие в обращении может возникнуть в результате того, что Европейский комитет против пыток также входит в систему защиты прав человека Совета Европы.
- 8 № 52207/99, решение о приемлемости от 12.12.01.
- 9 № 31821/96, решение о приемлемости от 30.05.00.
- 10 Действительно, гарантии ЕСПЧ, возможно, и распространяются на всех лиц,

находящихся на территории под военной оккупацией Договаривающейся стороной, однако Палата лордов в деле *Al-Skeini v Secretary of State for Defence* [2007] UKHL 26 заняла противоположную позицию.

11 К такому выводу пришел Европейский Суд в ряде дел, связанных с действиями Турции на северном Кипре: см., в частности, дело *Loizidou против Турции* (*Loizidou v Turkey*, № 15318/89, 18.12.96), Reports (1996-VI); а также *Кипр против Турции* (*Cyprus v Turkey*, № 25781/94, 10.05.01), Reports 2001-IV.

Средства правовой защиты в отношении нарушений прав человека на Северном Кавказе

Недавно подготовленный Комитетом Совета Европы по правовым вопросам и правам человека доклад, содержание которого было рассекречено 15 апреля 2008 г., излагает проблемы, с которыми сталкивается Совет при получении доступа в этот регион. Также в докладе комментируется ситуация с правами человека в этом регионе на основании сообщений неправительственных организаций¹.

В начале доклада выражается недовольство в связи с задержками при получении официальных разрешений на посещение данного региона, несмотря на то, что по этому вопросу предложение было впервые внесено в парламент в апреле 2006 г. Это было связано с необходимостью в достижении договоренности о получении комплексного мандата и, как предполагается, шагами российских властей по предотвращению такого мандата и предоставления доступа группе.

Далее в докладе кратко излагается ситуация с правами человека на основании сообщений неправительственных организаций. Несмотря на улучшения в общем материальном положении и инфраструктуре, особенно в Грозном, в докладе выражается озабоченность в связи с продолжением проблем в

сфере прав человека, в частности, внесудебных убийств, исчезновений и пыток в регионе.

В связи с пытками доклад ссылается на три публичных заявления Европейского комитета по предупреждению пыток в связи с отказом российских органов власти сотрудничать по вопросу мест содержания под стражей в Чеченской республике², и упорным отказом России дать разрешение на публикацию докладов Комитета.

Также в докладе упоминается о докладе, подготовленном в марте 2008 г. Норвежским Хельсинкским комитетом. «Антитеррористические меры и права человека на Северном Кавказе»³. В этом докладе делается вывод о том, что антитеррористические меры, принимаемые властями, скрывают серьезные нарушения прав человека в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане и Северной Осетии, в том числе пытки, насильственно выбиваемые показания и насильственные исчезновения. В этой связи говорится о широкомасштабной антитеррористической операции, начатой силами безопасности в Ингушетии в ответ на нападения на сотрудников силовых органов и взрывы. В докладе с обеспокоенностью упоминается о похищении Олега Орлова, председателя «Мемориала», и

тележурналистов в Ингушетии в конце 2007 г. и жестоким обращением с ними.

Наконец, в тексте доклада говорится о проблеме безнаказанности представителей государства за нарушения прав человека и об избирательном и недостаточном исполнении решений ЕСПЧ. Также в докладе подчеркивается, что официальные цифры, относящиеся к жалобам на пытки или исчезновения, искажаются из-за нежелания потерпевших сообщать о них из-за запугивания, вплоть до убийства членов их семей.

В заключение доклада делается вывод о том, что ситуация на Северном Кавказе является наиболее тревожной с точки зрения прав человека на всей территории Совета Европы. В докладе содержится настоятельный призыв о принятии соответствующего мандата с целью разьяснения этих проблем и установления способов улучшения ситуации.

1 Текст находится по адресу: http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2008/20080411_ajdoc21_2008.pdf.

2 Наиболее недавнее из них, изданное 13 марта 2007 г., опубликовано по адресу: <http://www.cpt.coe.int/documents/rus/2007-17-inf-eng.htm>.

3 Текст находится по адресу: http://www.nhc.no/php/files/documents/land/Tsjetsjenia/2008/Report_2_2008.pdf.

Механизм Универсального периодического обзора Совета по правам человека ООН: надежда на универсальность и равное отношение к государствам?

Татьяна Черникова, юрист, EHRAAC-«Мемориал»

В своей резолюции 60/251 Генеральная ассамблея ООН возложила на Совет по правам человека полномочия по проведению Универсального периодического обзора, основанного на объективной и достоверной информации исполнения каждым государством своих обязательств в области прав человека таким образом, который обеспечивал бы универсальность охвата и равенство в отношении ко всем государствам¹. Все государства, являющиеся членами Совета, должны пройти процедуру такого обзора в течение срока своего членства.

На своем пятом заседании Совет принял резолюцию 5/1, в которой содержатся подробные положения, касающиеся механизма Универсального периодического обзора (Universal Periodic Review, UPR)². Основой для такого обзора являются документы в области защиты прав человека, участником которых является государство, добровольно взятые государствами обязательства, в том числе и те, которые были взяты при представлении своих кандидатур для избрания в Совет по правам человека, а также применимые нормы международного гуманитарного права³.

Информация для УПО основывается на трех источниках. Во-первых, это 20-страничный доклад, представляемый государством. Во-вторых, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (OHCHR) готовит сводку информации, содержащейся в докладах договорных органов ООН, особых процедурах и других соответствующих официальных документах ООН на десяти страницах. В-третьих, OHCHR готовит 10-страничную сводку достоверной и надежной информации, представленной другими заинтересованными сторонами (НПО, национальными органами защиты прав человека, научными учреждениями и исследовательскими институтами,

региональными организациями и представителями гражданского общества)⁴.

Обзор этой информации проводится Рабочей группой, возглавляемой Председателем Совета, в состав которой входят 47 государств-членов Совета. Другие соответствующие заинтересованные стороны могут также присутствовать при процессе обзора. Для проведения каждого обзора, в том числе для подготовки доклада Рабочей группы, создается группа, состоящая из трех докладчиков (тройка), выбранных по жребию среди членов Совета и из различных региональных групп. В Рабочей группе происходит интерактивный диалог между страной, проходящей процедуру обзора, и Советом⁵.

По результатам УПО составляется доклад, в котором кратко излагается процедура обзора, выводы и/или рекомендации и добровольные обязательства данного государства. Результат утверждается пленумом Совета. Рекомендации, получившие поддержку государства, которого они касаются, идентифицируются как таковые. Отмечаются и остальные рекомендации, наряду с замечаниями государства. Далее Совет должен отслеживать процесс исполнения рекомендаций в процессе совещания с данным государством⁶.

Для процедуры УПО характерны несколько преимуществ и недостатков. Весьма интересно, что этот механизм направлен на обеспечение всеобщего охвата исполнения государством всех своих правовых обязательств в соответствии с международными нормами законодательства о правах человека и гуманитарного права, а в результате становится возможным получить полную картину ситуации с правами человека в стране. В то же время то, что объем информации из всех источников не может превышать 40 страниц, может привести к поверхностному характеру такого доклада. Весьма положительным моментом является то, что доклад

Рабочей группы по УПО основывается на различных источниках, к которым относятся позиция самого государства, различных органов ООН и НПО. Это направлено на обеспечение эффективности информации. Это также предоставляет НПО и правозащитникам хорошую возможность попытаться воздействовать на позицию Совета по правам человека, хотя пока неизвестно, насколько значительным окажется это влияние.

Одной из наиболее важных особенностей УПО является то, что механизм этот – не избирательный, и каждое государство исследуется на одних и тех же условиях. Он направлен на обеспечение равного обращения с государствами. В то же время Совет по правам человека – это межправительственный институт, решения в котором принимаются представителями государств. Это, конечно, означает риск влияния политических проблем на споры о правах человека и голосования по политическим мотивам. Положительным аспектом УПО является возможность обмена практикой в области защиты прав человека между государствами. В то же время, государства, сталкивающиеся с аналогичными проблемами в области прав человека, могут договориться не подвергать друг друга критике. Исследование проводится не независимым судьей, а является исследованием равных равными, включая все положительные и отрицательные аспекты. Это «демократическое» исследование, в котором будет представлено мнение большинства международного сообщества по вопросам прав человека, однако будет ли это профессиональным исследованием, проведенным на основании правовых принципов?

Положительным моментом является то, что УПО – это кооперационный механизм, основанный на интерактивном диалоге, в котором полностью

задействовано проходящее обзор государство. Этот механизм не носит конфронтационного характера. Он может способствовать сотрудничеству между государствами и различными органами защиты прав человека. В то же время УПО не обладает четким механизмом отслеживания и внедрение рекомендаций Совета в основном будет зависеть от доброй воли государства.

Уже состоялись два заседания

- 1 General Assembly, A/RES/60/251, 15 марта 2006 г., п. 5(e).
- 2 Human Rights Council, A/HRC/RES/5/1, 18 июня 2007 г., п. 1-38.
- 3 Там же, п. 1-2.

Рабочей группы, на которых был проведен обзор в отношении 32 государств. В соответствии с графиком обзор в отношении России будет проводиться на 4-й сессии, которая пройдет со 2 по 13 февраля 2009 г. Обзор Грузии запланирован на 10-ю сессию в 2011 г.⁷

С целью содействия работе ОНЧР по составлению сводок докладов ООН для УПО, Бернский

- 4 Там же, п. 15.
- 5 Там же, п. 18-25.
- 6 Там же, п. 26-38.
- 7 Информацию о механизме УПО и различные доклады можно найти по следующим

университет разработал специальную электронную базу данных – Всеобщий индекс прав человека. В этой базе данных содержатся все замечания и рекомендации договорных органов и специальных процедур начиная с 2000 г., которые подразделяются по органам, странам, затронутым правам и лицам. Данная база данных также может быть полезной в повседневной работе правозащитников и НПО⁸.

- адресам: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/UPR/Pages/UPRMain.aspx> и <http://www.upr-info.org/>.
- 8 База данных размещается по адресу: <http://www.universalhumanrightsindex.org>.

Процедура пилотных решений Европейского Суда по правам человека: «за» и «против»

Якуб Воласевич, агент правительства Польши

Михал Бальцежак, доцент
Университета Николая Коперника,
Торунь, Польша

ЕСПЧ применил процедуру пилотных решений в двух делах в отношении Польши: *Бронёвски* (*Broniowski*, № 31443/96, 25.09.05) (впервые в своей истории) и *Хуттен-Чанска* (*Hutten-Czapska*, № 35014/97, GC 28.04.08). В обоих делах было установлено, что проблема, повлекшая за собой нарушение ЕКПЧ, содержится в системных недостатках законодательства в сочетании с дисфункциональными национальными практиками. С учетом системного характера нарушения ЕСПЧ постановил, что его последствия затрагивают не только заявителей по вышеназванным делам, но и заявителей, чьи дела ожидали рассмотрения в ЕСПЧ, и потенциальных заявителей.

Поэтому неудивительно, что концепция пилотных решений находится в центре дискуссий, относящихся к усилению системы исполнения Конвенции на национальном уровне. Именно на это направлена процедура пилотных решений: реализация ЕКПЧ в национальной правовой системе в контексте системных проблем, лежащих в основе нарушения Конвенции.

Реакция на системные нарушения прав человека: анализ пилотных решений ЕСПЧ

Исследовательский институт прав человека и социальной справедливости (Human Rights & Social Justice Research Institute, HRSJ) в Лондонском университете Метрополитан проводит исследование процедуры пилотных решений и ее воздействие на национальные правовые системы. Цель этого исследования – глубже понять пилотные решения и оценить, насколько адекватно реагируют на них правительства европейских стран. Более подробную информацию см. по адресу: <http://www.londonmet.ac.uk/research-units/hrsj/research-projects/pilot-judgments.cfm>.

Решение по делу *Бронёвски* можно считать ведущим тестовым делом, поскольку оно ввело определенный принцип пилотной процедуры. Установив системное нарушение ЕКПЧ, Европейский Суд указывает на возможные меры, которые могут быть приняты для исправления ситуации в общем и в отношении заявителя. В первоначальном решении, вынесенном в 2004 г., рассмотрение вопроса о выплате компенсации заявителю было отложено, и в результате посредничества между заявителем и правительством с участием Секретариата Суда было достигнуто мировое соглашение, в котором определялись условия как индивидуальных, так и общих мер, которые были изложены в решении 2005 г.

Следует отметить, что, при том, что требования заявителя по «пилотному» делу по ЕКПЧ были удовлетворены в

индивидуальном порядке, остальным заявителям пришлось ожидать введения соответствующей процедуры в национальное законодательство, поскольку разрешение их дел было перенаправлено на национальный уровень.

Поэтому, по сути, пилотные решения едва ли можно назвать «прецедентами», поскольку не предполагается, что последующие судебные решения по тем же вопросам будут повторять их *rationes decidendi*. Пилотные решения предназначены скорее для правительств, а не для заявителей. Идея состоит в том, чтобы побудить национальные власти взять на себя ответственность за исправление нарушений ЕКПЧ в национальном правовом порядке. Иными словами, суть в том, чтобы восстановить фундаментальное понятие субсидиарности в системе Конвенции.

В целом процедура пилотных

решений – это полезный способ разрешения системных нарушений ЕКПЧ, однако она обладает и определенными недостатками. Во-первых, эта процедура не была предусмотрена в самой Конвенции, и поэтому возникали определенные сомнения в ее правомерности. На самом деле ортодоксальный подход к интерпретации ЕКПЧ указывает на то, что, когда ЕСПЧ применяет эту процедуру, он балансирует на грани, обосновывая использование ст. 46 в качестве правовой основы для решения¹.

Во-вторых, одним из основных недостатков пилотной процедуры является ее расширенная структура. Как следствие, ЕСПЧ требуется значительное время для того, чтобы вынести решение в этих рамках. Если мы рассмотрим пилотные дела, уже исследованные Судом, то период между коммуникацией дела правительству и вынесением решения составляет до четырех лет. А если принять во внимание период до коммуникации, а также время, необходимое для исследования дел-клонов, то вся процедура может занять до десяти лет.

Наверное, возможно значительно сократить необходимый срок, по крайней мере, в некоторых категориях дел. Этого можно добиться, упростив некоторые этапы процедуры. В настоящее время процедура пилотного решения состоит из трех основных этапов: вынесение пилотного решения, мировое соглашение и вынесение решения, подтверждающего мировое соглашение. Мы полагаем, что в некоторых случаях процедура могла бы состоять из вынесения пилотного решения, утверждающего мировое соглашение по одностороннему заявлению правительства. Иными

словами, заключение мирового соглашения или подача одностороннего заявления могли бы предшествовать вынесению пилотного решения. Упрощенная пилотная процедура не заменяла бы ныне действующую, но могла бы носить факультативный характер.

Мы понимаем, что упрощенная пилотная процедура может применяться только в тех делах, где правительство не отрицает наличия системного нарушения и его причин. Однако практика пилотных дел в Польше показывает, что длительная пилотная процедура обладает значительными недостатками в отношении как позиции правительства, так и положения заявителя. Она также негативно сказывается на эффективности работы ЕСПЧ.

Можно ввести ряд других усовершенствований: например, в качестве посредника мог бы выступать Комиссар Совета Европы по правам человека. По нашему глубокому убеждению, опыт и компетенция Комиссара могли бы быть очень ценными при заключении мирового соглашения в делах, обнаруживающих какую-либо структурную проблему.

Несомненно, что эта упрощенная пилотная процедура могла бы внести вклад в более эффективную реализацию Конвенции в ситуациях, когда правительство, участвующее в деле, объявляет о своей готовности сотрудничать с ЕСПЧ в устранении проблемы, лежащей в основании системной дисфункции. Разумеется, концепция упрощенной пилотной процедуры требует дополнительного обдумывания, однако идея ясна: укрепить механизмы, разработанные в делах *Бронёвски и Хуттен-Чапска* с целью обеспечения более

эффективного способа разрешения системных нарушений ЕКПЧ.

Наконец, достойно упоминания то, что концепция пилотных решений в настоящее время находится на повестке дня Группы для размышления, учрежденной Руководящим комитетом по правам человека в ноябре 2007 г. В задачу Группы для размышления входит углубленное исследование конкретных дальнейших мер, которые могли бы быть даны дополнительно к рекомендациям, содержащимся в Докладе Группы мудрецов, а также в других источниках. Польская делегация в Группе для размышления в особенности заинтересована в концепции пилотных решений и будет поддерживать идею разработки правил применения процедуры пилотных решений, с особым упоминанием о критериях для пилотных решений, процедуры их отбора, роли Секретариата Суда, возможном участии других акторов в процедуре и ее желаемого воздействия.

Процедура пилотного решения настоятельно нуждается в прояснении и упрощении. Несомненно, при осуществлении этой задачи весьма полезным окажется опыт завершенных или находящихся в процессе исполнения пилотных процедур, в особенности по делам *Бронёвски и Хуттен-Чапска*.

1 Ст. 46 Конвенции гласит:

1 Высокие договаривающиеся стороны обязуются соблюдать окончательное решение Суда по любому делу, стороной в котором они являются.

2 Окончательное решение Суда передается в Комитет Министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

Исполнение решений ЕСПЧ по чеченским делам

В июле 2005 г. вступили в силу решения ЕСПЧ по первым шести делам, которые были связаны с действиями российских сил безопасности в Чечне¹, и российское правительство было обязано исполнить эти решения под надзором Комитета министров (КМ) Совета Европы. Однако в двух меморандумах, направленных в сентябре 2008 г., заявители и две неправительственные

организации, EHRAC и «Мемориал», призвали КМ признать, что Россия до сих пор не исполнила своих обязательств.

Меморандумы были подготовлены в ответ на информацию, представленную КМ российским правительством². В них отмечается, что, несмотря на открытые запросы со стороны КМ, в расследовании данных дел,

проводимом правительством, с момента вынесения решений прогресса не появилось. Ни по одному из дел следствие не привело к привлечению виновных к ответственности, а заявителей и их представителей не уведомляли о каких-либо решениях, принятых в ходе следствия. В свете такой инертности и с учетом того, что события дел происходили в 1999-2000 годах, высказываются опасения в связи

с тем, что применение 15-летнего срока давности, применяющегося к «особо тяжким преступлениям», приведет к тому, что преступники избегут ответственности.

В меморандумах также затрагивается проблема упорного отказа Российской Федерации раскрыть материалы уголовных дел, находящихся в производстве национальных органов, несмотря на то, что это уже было признано нарушением Европейской

Конвенции. В этих документах также содержится призыв к КМ запросить у России информацию и документы, которые в том числе относятся к ее инициативам по подготовке военнослужащих, судей и прокуроров в области международного гуманитарного права и норм прав человека, и к Единому реестру похищенных и пропавших без вести лиц.

1 *Хашиев и Акаева против России (Khashiyev & Akayeva v Russia, №№ 57942/00 и 57945/00, 24/2/05); Псаева против России (Isayeva v Russia, № 57950/00) 24/2/05, Псаева, Юсупова и Базаева против России (Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, №№ 57947/00, 57948/00 & 57949/00) 24/2/05.*

2 Информация, представленная в письменном виде российскими властями на 1007-м заседании Заместителей министров, состоявшемся в октябре 2007 г.. Неофициальный перевод этой информации опубликован по адресу: [http://www.londonmet.ac.uk/research-units/hrs/j/affiliated-centres/ehrac/ehrac-litigation/chechnya---ehcr-](http://www.londonmet.ac.uk/research-units/hrs/j/affiliated-centres/ehrac/ehrac-litigation/chechnya---ehcr-litigation-and-enforcement/enforcement-of-chechen-judgments.cfm)

Тексты меморандумов (на англ. языке) опубликованы по адресу: <http://www.londonmet.ac.uk/research-units/hrs/j/affiliated-centres/ehrac/ehrac-litigation/chechnya---ehcr-litigation-and-enforcement/enforcement-of-chechen-judgments.cfm>.

Переводы на русский язык опубликованы по следующим адресам: <http://ehracmos.memo.ru/page.php?page=321> и <http://ehracmos.memo.ru/page.php?page=328>.

litigation-and-enforcement/enforcement-of-chechen-judgments.cfm а также информация, представленная в устном виде на 1020-м заседании и изложенная в публичной версии Аннотированной повестки дня: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1271665&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75>.

Практика «переговоров о признании вины» в Грузии - нарушение принципов справедливого разбирательства?

Натия Кацитадзе, юрист, «42-я статья Конституции»

В феврале 2004 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Грузии (УПКГ) было введено понятие переговоров о признании вины. В этой статье будет рассмотрено, вызывает ли процесс переговоров о признании вины (как он применяется на практике) какие-либо проблемы с точки зрения справедливости разбирательства.

Одно из оснований для введения процедуры переговоров о признании вины, на которое ссылается правительство Грузии, – это «эффективная борьба с коррупцией». Однако после введения практики таких переговоров эта практика, особенно денежный аспект заключения сделки о признании вины, подверглась резкой критике со стороны грузинских юристов и местных и международных правозащитных организаций. Несмотря на то, что в УПКГ о финансовом аспекте переговоров о признании вины ничего не говорится, в каждом из дел, независимо от того, касается оно экономического преступления или нет, денежная выплата является основным фактором в согласии обвинения на урегулирование дела на основе сделки о признании вины. Подсудимые часто выплачивают

определенные суммы для того, чтобы обвинения против них были снижены или сняты совсем. Можно считать, что эта практика развилась независимо от писанных положений действующего законодательства.

Как это в целом понимается в уголовном праве, переговоры о признании вины – это соглашение между органами обвинения и подсудимым об урегулировании находящегося в производстве уголовного дела против обвиняемого. Аналогичным образом согласно ст. 679 УПКГ, суд может вынести подсудимому приговор, не рассматривая дело по существу, утвердив условия сделки о признании вины, заключенной между обвинителем и подсудимым либо по установлении вины либо по вынесении приговора. В обоих случаях подсудимый признается виновным по приговору суда.

Как следствие понятия сделки о признании вины, можно утверждать, что подсудимый, соглашающийся на такую сделку, по сути, частично отказывается от своего права на справедливое разбирательство. В целях сокращения обвинений или приговора или для того, чтобы приговор не выносился вообще, подсудимый соглашается заключить сделку о признании вины, признавая

себя виновным или не оспаривая обвинения, и тем самым отказывается от права на рассмотрение по существу своего уголовного дела. Однако даже в этой ситуации, суд, утверждая сделку о признании вины, играет ключевую роль в надзоре за условиями этой сделки. Судья, рассматривающий дело, обязан убедиться, что подсудимый выражает желание заключить такую сделку без какого-либо принуждения, а также обеспечить, что что у стороны обвинения имеются доводы *prima facie* в отношении подсудимого.

Аналогичным образом согласно ст. 6793 и 6794 УПКГ суд обязан проводить исследование по всем вопросам. Однако на практике эти обязательства исполняются иначе. Хорошим примером этого является дело *Нацвлишвили и Тогонидзе против Грузии (Natsvlishvili & Togonidze v Georgia, № 9043/05, 9.03.05)*.

В этом деле первый заявитель утверждал, что прокурор согласился на заключение сделки о признании вины только после того, как он, его жена и восемь других акционеров Кутаисского автомобильного завода передали свои акции, составлявшие 22,5% долю в акционерном капитале завода, в собственность правительства, и после выплаты заявителями 50 тыс. грузинских лари (22 тыс. евро)

на банковский счет, указанный Генеральной прокуратурой. Кроме того, хотя по УПКГ наказание, которое заявитель должен был отбыть, должно было быть утверждено судом, первый заявитель ранее уплатил штраф в размере в 35 тыс. лари (15 тыс. евро), который впоследствии был утвержден судом в качестве санкции в рамках сделки о признании вины, что явно противоречит национальному законодательству. Однако в окончательном приговоре суда, в котором утверждалась сделка о признании вины, говорилось только о штрафе в 35 тыс. лари. В своих замечаниях в ЕСПЧ от 2 мая и 13 июля 2007 г. правительство утверждало, что передача акций автозавода, а также выплата 50 тыс. лари была произведена заявителями по собственной воле (когда первый заявитель находился под стражей).

Хотя обо всех этих обстоятельствах суду, утвердившему сделку о признании вины, было известно, он ограничился чисто формальным рассмотрением, не пытаясь выяснить, каковы были причины совершения дополнительных выплат или передачи акций.

В действительности по уголовным делам это обычная практика, независимо от того, освобождаются ли подсудимые со штрафом или в дополнение к отбытию срока тюремного заключения. В свете этой практики утверждается, что «с момента его введения эта процедура на практике стала средством, применяющимся в целях незаконного изъятия имущества или денег у подсудимых, а также способом избежать осуждения лиц, виновных в применении пыток».

В свете вышесказанного Мониторинговый комитет Парламентской Ассамблеи Совета

Европы правильно указал на то, что система переговоров о признании вины не поддается достаточному контролю в такой стране, как Грузия, где отсутствие системы правовых и административных сдержек и противовесов в системе полицейских органов, органов прокуратуры и судов порождает риск злоупотреблений. Суды должны гарантировать надзор за процессом переговоров о признании вины, однако на практике они играют лишь формальную роль в утверждении условий, предложенных органами прокуратуры подсудимому, не всегда обеспечивая, что против последнего имеется обвинение *prima facie*, тогда как для подсудимого в большинстве дел сделки о признании вины являются единственной возможностью избежать разбирательства в судах, которые все еще имеют репутацию органов, следующих воле прокуратуры.

Дело Гефгена: открытый путь к переосмыслению нарушений ст. 3?

Григор Аветисян, юрист, ENHRAC-«Мемориал»

В 2002 г. заявитель по делу Гефген против Германии (Gäfgen v Germany, № 22978/05, 30/7/08) похитил и задушил мальчика. Во время ареста заявителя сотрудники полиции полагали, что мальчик еще жив. После того, как заявитель отказался сказать, где находится мальчик, заместитель начальника местной полиции проинструктировал сотрудника, проводившего допрос, сказать ему, что ему причинят боль, если он не раскроет местонахождение мальчика. Тогда заявитель сознался в том, что убил мальчика и спрятал его тело. Германские суды признали, что угрозы в его адрес противоречат ст. 3 (запрет пыток) ЕКПЧ, а его показания не могут использоваться в качестве доказательства на судебном процессе. Однако доказательства, полученные на основании данных им показаний, например, обнаружение тела мальчика, могли быть использованы на суде, и заявитель был приговорен к пожизненному заключению.

После безуспешных обращений в суды Германии с жалобой на использование доказательств, добытых под пытками, заявитель обратился с жалобой в

ЕСПЧ. ЕСПЧ признал, что заявитель подвергался бесчеловечному обращению, однако отказался признать его жертвой нарушения ст. 3 (на том основании, что на сотрудников полиции, оказывавших давление на заявителя, были наложены взыскания немецкими судами), и не установил нарушения права на справедливое разбирательство.

Довод, выдвинутый судьей Калайджиевой в несогласном мнении, а именно, что это решение, «...открывает путь к исчислению уместной степени приемлемого принуждения и его использования в отношении к определенным обвинениям, вопреки принципу справедливого разбирательства»¹, может, в частности, вдохнуть новую жизнь в дискуссию о: (i) ценности принуждения в целях допроса и оценке Европейским Судом современных техник допроса; (ii) ценности доказательств, полученных под давлением, в особенности в отношении дел, связанных с невыдворением.

В результате запрета запрета на применение негуманных методов ведения допроса, следователи разработали изоощренные психологически ориентированные техники допроса, направленные на то,

чтобы убедить подозреваемых в том, что сотрудничество в их интересах². Однако в делах, где сотрудники полиции имеют дело с подозреваемыми, которые действуют исходя из принципа, что они будут отказываться от любого сотрудничества с полицией, последняя может попытаться применить более радикальную тактику допроса, чем та, которая дозволена в обычных уголовных делах.

Следует отметить, что ЕСПЧ не признал угрозу пытки собственным пыткой и сделал вывод, что: «...допрос [...] проходил в весьма напряженной и эмоциональной атмосфере, в силу того, что сотрудники полиции, которые были совершенно обессилены и под крайним давлением, полагали, что у них есть всего несколько часов на спасение жизни J....»³, что Европейский Суд счел смягчающим обстоятельством.

Помимо таких смягчающих обстоятельств, по мнению некоторых комментаторов, жестокость со стороны полиции также может быть оправдана на том основании, что без причинения боли и оказания психологического давления некоторые преступления не раскрыть⁴. Однако подобные доводы ставят под вопрос способность ст. 3 (которая

представляет собой абсолютный запрет) охватывать те нарушения, в которых сотрудники полиции с большей вероятностью могут применить жесткие методы допроса, опирающиеся на оказание сильного психологического давления, и даже ставят под вопрос абсолютный характер самой ст. 3.

Ответ Европейского Суда на дела, связанные с применением современных психологически ориентированных методов ведения допроса, как 29 лет назад в деле Ирландия против Соединенного Королевства (*Ireland v UK*, № 5310/71, 8/1/78), в котором британские следователи при допросе лиц, подозреваемых в террористической деятельности, использовали методику допроса, состоящую из пяти техник, будет включать в себя исследование минимального уровня жестокости, необходимого для обоснования жалоб по ст. 3.

Нарушение права подозреваемого на соблюдение надлежащих правовых процедур в результате применения принуждения в ходе допроса - еще одна проблема, поднятая судьей Калайджиевой, и часто обсуждаемая в контексте выдворения.

Превентивные рамки ст. 3 были расширены в деле Сёринг против

Соединенного Королевства (*Soering v UK*, № 14038/88) 7/7/89), и более конкретно в деле Чахал против Соединенного Королевства (*Chahal v UK*, № 22414/93) 15/11/96. В решении, которое можно рассматривать как до некоторой степени противоречащее тенденциям, выработанным в судебной практике по делам о выдворении и невыдворении Европейского Суда, Апелляционный суд Великобритании в деле *A and Others v SSHD*⁵ 11 августа 2004 г. постановил, что применение доказательств, добытых под пыткой, в Соединенном Королевстве допустимо⁶. Однако это решение было отменено по апелляции Палатой лордов⁷.

Что касается понятия отсутствия ответственности за действия агентов государства в третьих странах, мнение суда по делу *Barcelona Traction*⁸ устанавливает обязательства *erga omnes* при защите прав человека, выходящие за пределы национальной юрисдикции. Европейский Суд не дал ясного ответа на довод, выдвинутый министром внутренних дел Великобритании, о том, что он не мог выяснять обстоятельства допроса, проводимого в третьей стране.

Таким образом, принцип, установленный в деле Сёринга, обязывает государства выяснять вероятность жестокого обращения с

экстрадируемыми в третьей стране, в которую осуществляется экстрадиция. С другой стороны, подозреваемые по делу *A and Others* уже подвергались пыткам в третьих странах до того, как их передали в Соединенное Королевство. В этом отношении можно сослаться на принцип рассмотрения нарушения ст. 3 *ex post facto*, выраженный в *Греческом деле* и требующий от государств проводить расследование, в результате которого суд примет решение о допустимости доказательств и признаний⁹.

Поэтому можно ожидать, что рассмотрение дел, связанных с применением современных методов допроса, воздействующих на психологическую автономию заявителя (и которые сопряжены с ложью, обманом, введением в заблуждение и угрозами), и с допустимостью использования доказательств добытых с помощью применения таких методов, будет включать в себя, наряду с установленными принципами ЕСПЧ, исследование всей совокупности обстоятельств дела, в том числе, тщательное изучение современных техник допроса, разработанных правоохранительными органами.

1 *Güfgen против Германии (Güfgen v Germany)*, № 22978/05, 30/7/08), несогласное мнение судьи Калайджиевой.

2 Описания современных методов допроса приводятся в полицейских протоколах допроса. В США, например, наиболее широко используется *Inbau Manual*.

3 *Güfgen v Germany*, пп. 69-70.

4 См. Parry, J.T. and White, W. S., 2001-2002.

Interrogating Suspected Terrorists, Should Torture be an Option? *University of Pittsburgh Law Review*, 63, p.751.

5 [2004] EWCA Civ 11323.

6 См. Hyland, J., 2004. *Britain: Court of Appeals rules evidence obtained through torture is admissible* (World Socialist Web Site) [online]. Текст находится по адресу: http://www.wsws.org/articles/2004/aug2004/brit-a13_prn.shtml.

7 [2005] UKHL 71; Палата лордов

постановила, что согласно общему правилу, доказательства, добытые под пыткой, неприемлемы.

8 The case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Co., Ltd (ICJ Reports 1970, 32, пп. 33-34).

9 The *Greek Case*, отчет от 5 ноября 1969 г., Yearbook of the Convention 12.

Деятельность Совместного комитета британского парламента по правам человека

Анджела Патрик и Джоан Соьер, специалисты, Совместный комитет по правам человека

После того, как в Великобритании в 2000 г. вступил в силу Акт о правах человека 1998 г. (HRA), британским парламентом был учрежден совместный комитет (СКПЧ) обеих палат парламента, в задачу которого входит тщательное исследование действий правительства и ситуации с правами человека в Соединенном

Королевстве. В состав комитета входят 12 членов, поровну от каждой палаты. С политической точки зрения состав комитета смешанный: в него входят пять представителей от лейбористской партии, четыре от консерваторов, двое от либерал-демократической партии и один независимый депутат, а председательствует в нем в настоящее время член палаты общин от лейбористской партии Эндрю Дисмор¹.

В задачи Комитета входят: «рассмотрение вопросов, относящихся

к правам человека в Соединенном Королевстве (за исключением индивидуальных случаев)». Широкая сфера задач комитета означает, что он может самостоятельно устанавливать приоритеты своей деятельности. Вот основные направления его работы: законодательный анализ законопроектов; расследования по конкретным проблемам в области прав человека (например, обращение с пожилыми людьми в сфере здравоохранения, проблемы

взрослых с затруднениями в учебной деятельности, Билль о правах для Соединенного Королевства, а в настоящее время – вопросы деятельности полиции и публичных протестов); мониторинг реализации Акта о правах человека и установления культуры прав; мониторинг реакции правительства на основные решения ЕСПЧ и национальных судов и исследование соблюдения положений международных документов. В этой статье более подробно рассматриваются некоторые из этих сфер работы Комитета.

СКПЧ и HRA

Акт о правах человека представляет собой компромисс между системой парламентского суверенитета и системой фундаментальных прав. СКПЧ является детищем этого компромисса, и эта особенность является ключевой для характера его работы. Согласно Разделу 3 HRA, суды обязаны интерпретировать законодательство в соответствии с правами по Конвенции, насколько это возможно. Если это невозможно, то суд вправе сделать «декларацию о несовместимости» в соответствии с разделом 4 HRA, однако такая декларация не оказывает влияния на действительность или продолжающееся действие закона. Вопрос о введении законодательства или принятии распоряжения, исправляющих это положение, входит в сферу усмотрения правительства, а такие законы или распоряжения должны быть приняты парламентом. Поэтому парламент сохраняет гораздо более важную роль в защите прав человека.

Место СКПЧ в схеме Акта о правах человека двоякое. Во-первых, он исследует заявления министров о соответствии правительственных законопроектов правам, установленным в Конвенции, и таким образом придает форму законодательным дебатам, проходящим в парламенте. Во-вторых, он исследует постановления, направленные на исправление несоответствия, установленного национальными судами или ЕСПЧ. Согласно своим инструкциям СКПЧ обязан делать доклады о том, должно

ли такое постановление быть принято.

Законодательный анализ

Комитет рассматривает каждый правительственный законопроект, выносимый на рассмотрение парламента, на соответствие с требованиями прав человека. Он изучает не только риск нарушения прав по Конвенции, а также и любой риск вмешательства в права, которые Соединенное Королевство обязалось соблюдать в рамках своих международных договоров, например Пактов ООН (о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах) и Конвенций ООН о правах ребенка, искоренения расовой дискриминации, дискриминации в отношении женщин и пыток. Комитет также рассматривает законопроекты на предмет того, не упущена ли в них возможность усовершенствовать защиту прав человека. Он рассматривает и делает доклады только по таким законопроектам, которые, по его мнению, могут вызвать серьезные проблемы в области прав человека. Среди факторов, которые комитет принимает во внимание в своей оценке, следующие:

- насколько важным является затронутое право?
- насколько серьезным является вмешательство?
- насколько оправданным является вмешательство?
- сколько людей им затронуто?
- насколько уязвимы эти люди?
- в какой степени затронуты наиболее значительные позитивные обязательства государства?

Перед представлением доклада о законопроекте, вызывающем озабоченность с точки зрения соблюдения прав человека, комитет обычно письменно обращается к правительству с изложением этих проблем и просьбой представить объяснения. Он также рассматривает представления, которые направляются ему заинтересованными организациями и частными лицами. В нынешнем году комитет также начал предлагать поправки в законопроекты, направленные на то, чтобы ослабить

некоторые из проблем в области прав человека, которые вызывают эти законопроекты.

Мониторинг исполнения решений

Основную ответственность по надзору за исполнением решений ЕСПЧ несет Комитет Министров Совета Европы (КМ). КМ и Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) неоднократно подтверждали, что основной акцент в реализации Конвенции и исполнении решений должен ставиться на ответственность государств за принятие мер на национальном уровне. Это приобретает особую важность в связи со все более обременительной нагрузкой на ЕСПЧ.

КМ неоднократно выражал свое мнение, а именно, что для эффективности мониторинга на национальном уровне необходимо, чтобы он сопровождался тщательным надзором на национальном уровне. СКПЧ считает важной частью своей работы анализ исполнения любых необходимых мер общего характера, направленных на то, чтобы избежать повторных нарушений ЕСПЧ в будущем. Этот анализ проводится посредством письменного сообщения с министрами, рассмотрения свидетельств, предоставляемых структурами гражданского общества, и публикацией регулярных отчетов о работе Комитета. Следующий отчет, вероятно, будет опубликован осенью 2008 г.

В своем отчете за 2006-2007 гг.² Комитет рассмотрел несколько тем, а также значимых решений по правам человека, вынесенных в отношении Соединенного Королевства. Среди рассмотренных тем были роль парламента, важность исполнения на национальном уровне и факторы, влияющие на эффективность исполнения решений (например, задержки), отсутствие обратной силы в применении Акта о правах человека, возобновление разбирательств и системные препятствия. Комитет также дал ряд рекомендаций по более эффективному исполнению в будущем: в том числе он порекомендовал, чтобы Министерство юстиции играло координационную роль, и предложил график действий правительства по

судебным решениям, связанным с правами человека. Правительство пока не ответило на эти рекомендации.

Комитет будет продолжать вести мониторинг реакции правительства на исполнение решений ЕСПЧ и деклараций несоответствия с правами по Конвенции, сделанными национальными судами. С одной стороны, некоторые дела разрешаются довольно быстро и с минимальной неразберихой, с помощью принятия постановлений, исправляющего нарушения. Например, Комитет похвалил реакцию правительства на решение по делу *B & L v United Kingdom* (№ 36536/02, 13.9.05). В этом деле заявители успешно обжаловали национальное законодательство, запрещающее вступать в брак свекру и его бывшей невестке. Нарушение было

устранено довольно быстро после вынесения ЕСПЧ решения.

Однако этого нельзя сказать обо всех решениях. Комитет недавно приветствовал решение правительства об устранении нарушения ст. 8 ЕКПЧ, установленное в деле *Коннорс против Соединенного Королевства* (*Connors v UK*, № 66746/01, 27.05.04), распространив действие закона о передвижных жилищах 1983 г. на поселения цыган и ирландских кочевников, предоставив жителям таких поселений гарантии против выселения. Комитет выразил разочарование в связи с тем, что правительство не выступило с этим решением – которое было предложено Комитетом еще в 2004 г. – раньше.

В деле *Херст против Соединенного Королевства* (*Hirst v UK*, № 74025/01 GC 6.10.05), Большая Палата постановила,

что ныне действующий полный запрет на участие заключенных в выборах в Соединенном Королевстве является нарушением Конвенции. С момента вынесения первоначального решения палаты уже прошло более четырех лет, а ясный график реформ до сих пор отсутствует³. Вероятно, Комитет будет продолжать играть ценную роль в более сложных с политической точки зрения делах: посредством увеличения прозрачности и проведения мониторинга ответов, направляемых правительством Комитету министров.

¹ Изложение миссии СКПЧ и более подробную информацию о его деятельности см. в Интернете по адресу: http://www.parliament.uk/parliamentary_committees/jchr.

² Joint Committee on Human Rights. 2007. *Monitoring the Government's Response to Court Judgments Finding Breaches of Human Rights: Sixteenth Report of Session 2006-07*. London: The Stationary Office Limited.

³ Там же. Комментарий на каждое из этих дел приводится в последнем Отчете Комитета.

Доклад о надзоре за исполнением решений Европейского Суда по правам человека

Основной целью первого Годового отчета Комитета министров (КМ) о надзоре за исполнением решений ЕСПЧ является повышение прозрачности воздействия и эффективности этого надзорного органа. В отчете подробно излагаются сведения о спектре проблем, исследованных КМ, акторах, принимающих участие в процессе исполнения, и важных реформах, направленных на усовершенствование национальных правовых систем и практик в соответствии со стандартами Европейской Конвенции. Кроме того, в отчете содержится информация о процессе исполнения решений, вынесенных согласно ЕКПЧ, и ясные инструкции, касающиеся требований к исполнению, и изменений на национальном уровне, которые произошли в 2007 г. Также в отчете приводятся статистические данные о количестве лидирующих, повторяющихся (т. н. «клонов»), изолированных и закрытых дел. В 2007 г., несмотря на некоторые задержки в исполнении решений, все заявители получили справедливую компенсацию, присужденную им

Европейским Судом, а также в тех случаях, где это было необходимо, были приняты индивидуальные меры, направленные на то, чтобы по возможности устранить последствия установленного нарушения. Кроме того, более тысячи различных проблем общего характера, на которые было указано в решениях ЕСПЧ, было разрешено, или исправляется в настоящее время посредством проведения правовых, административных или иных реформ.

Возрастающий поток дел и другие сложности, с которыми сталкивается Суд, требуют усовершенствования системы ЕКПЧ для повышения ее эффективности. В ответ на это КМ разработал систему информирования государств-ответчиков о вопросах, вызывающих у него озабоченность в связи с исполнением решений, а также принятия решений и промежуточных резолюций. В 2007 г. было принято 150 таких решений и 15 предварительных резолюций. Кроме того, КМ также рассмотрел возможность подготовки подробных исследований о практике исполнения решений в помощь национальным властям и с целью

информационного обмена с другими органами, например Комиссара по правам человека, и создал базу данных, содержащую информацию о том, на какой стадии находится исполнение дел и других мер.

Эффективное исполнение решений ЕСПЧ очень важно в целях стимулирования хорошего управления, уважения к принципам законности и правам человека всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства, и для построения доверия между органами власти в различных государствах-участниках. Эффективное возмещение для жертв нарушений и общие реформы, направленные на предотвращение нарушений в дальнейшем, вносят свой вклад в укрепление авторитета этой системы и эффективности ЕСПЧ. Об авторитете Европейского Суда говорит тот факт, что национальные суды все чаще признают прямое действие его решений на национальном уровне.

Текст доклада можно скачать по адресу:

http://www.coe.int/t/e/human_rights/execution/CM_annreport2007_en.pdf.

Судебные дела по правам человека

В разделе приводятся избранные решения по значимым недавним делам в области прав человека и по делам, в которых «Мемориал» и ЕНРАС представляют заявителей.

Дела ЕНРАС-«Мемориал»

Капланова против России

(Kaplanova v Russia)

№ 7653/02, 29.04.08

Бетаев и Бетаева против

России

(Betayev & Betayeva v Russia)

№ 37315/03, 29.05.08

Умаров против России

(Umarov v Russia)

№ 12712/02, 03.07.08

Мусаева против России

(Musayeva v Russia)

№ 12703/02, 03.07.08

(ЕСПЧ: решения по существу)

Абдулкадырова против России

(Abdulkadyrova v Russia)

№ 27180/03, 24.01.08)

(ЕСПЧ: решение о

приемлемости)

Исчезновение

подвергся отказ России предоставить доступ к доказательствам по этим делам. При рассмотрении жалоб по ст. 2, ЕСПЧ столкнулся с противоречащими друг другу версиями изложения событий. Отметив, что исключительным доступом к доказательствам, относящимся к задержанию жертв, обладает Россия, во всех этих делах Европейский Суд сделал выводы против России, что привело к установлению нарушений ст. 2.

В делах Каплановой, Мусаевой и Умарова Суд также постановил, что отказ предоставить эти доказательства является нарушением ст. 38. Он отклонил ссылку российских властей на ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая запрещает раскрытие материалов предварительного следствия, повторив, что это не оправдывает сокрытие информации.

Также ни в одном из этих дел не было проведено надлежащего расследования. Особенно резкой критике подверг ЕСПЧ значительные задержки со стороны российских властей в возбуждении следствия и последующее неоднократное приостановление и возобновление следственных мероприятий. На этом основании во всех делах были установлены нарушения ст. 2 и 5.

В делах Бетаевых, Мусаевой

и Умарова ЕСПЧ также постановил, что отношение российских властей к заявителям в ходе следствия представляет собой нарушение ст. 3. Суд, в частности, отметил, что заявителям не было дано правдоподобных объяснений исчезновения их родных и близких, а часто ответы российских органов власти просто сводились к уведомлению о том, что следствие еще продолжается.

ЕСПЧ также резко осудил отсутствие протоколов задержания, не составленных российскими органами власти, указав на то, что это не совместимо с требованиями ст. 5.

Дело Абдулкадыровой – это еще одно дело об «исчезновении», во многих аспектах аналогичное делам, о которых говорилось выше. Это дело было признано приемлемым в январе 2008 г. и сейчас ожидает решения по существу.

Комментарий

Европейскому Суду все чаще приходится рассматривать дела об «исчезновении», и в каждом из них возникают похожие проблемы: отказ России в раскрытии важных для дела доказательств, неэффективность расследования, проводимого ее государственными органами и отсутствие каких-либо

Факты

С апреля по июль 2008 г. Европейский Суд вынес несколько решений по делам, которые касались задержания мужчин-чеченцев российскими вооруженными силами и их последующего исчезновения и предположительной гибели. Суд установил многочисленные нарушения Европейской Конвенции со стороны России во всех этих делах, в первую очередь ст. 2, 3 и 5. Также Судом были назначены значительные суммы компенсации, причитающиеся заявителям, в том числе 72 тыс. евро по делу Каплановой.

Решения по существу

Особенно жесткой критике

протоколов о содержании под стражей. Все это приводит к тому, что Суд делает серьезные заключения не в пользу России и подвергает ее органы власти серьезной критике.

Гусев против России
(*Gusev v Russia*)

№ 67542/01, 15.05.08

(ЕСПЧ: решение по существу)

Бесчеловечное обращение

Факты

2 февраля 2000 г. заявитель был осужден за кражу, совершенную им в 1998 г., и приговорен к условному сроку неустановленной длительности. Этот приговор не был приведен в исполнение на основании закона об амнистии 2000 г. В 1999 г. в отношении него снова было возбуждено уголовное дело по факту кражи на сумму около восьми евро. Обвинительное заключение поступило к заявителю с опозданием, и поэтому он пропустил слушание в суде. Он отказался приходить на отложенное слушание, если повестку не доставят по почте.

В результате 23 апреля 2000 г. его взяли под стражу и перевели в следственный изолятор, где он находился вплоть до своего освобождения 26 сентября 2001 г. 25 сентября 2000 г. обвинение было снижено, а наказание снято, хотя во время третьего следствия он оставался под стражей. Суд не удовлетворил его жалобу на незаконность содержания под стражей. Заявитель жаловался на то,

что условия содержания под стражей, поведение сотрудников и сокамерников и незаконность и длительность его содержания под стражей представляют собой нарушения ст. 3 (бесчеловечное и унижающее обращение) и 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) Европейской Конвенции.

Решение

По мнению Европейского Суда, из фактов дела явствует, что условия содержания заявителя под стражей, особенно состояние его камеры, представляют собой унижающее обращение в нарушение ст. 3. Он счел, что в деле не было нарушения ст. 5(1) в связи с законностью его содержания под стражей, поскольку суд, рассматривавший дело, действовал в рамках своих полномочий, и не было оснований предполагать недействительность или незаконность в соответствии с национальным законодательством. Однако в деле было допущено нарушение ст. 5 (3) в связи с длительностью его задержания, поскольку не было достаточных оснований для его продления. Заявителю было присуждено 5 тыс. евро компенсации.

Комментарии

ЕСПЧ указал, что вправе оценивать соблюдение Конвенции на основании неоспариваемых фактов без необходимости исследовать каждое утверждение о

нарушении. Он подчеркнул, что каждое государство обязано обеспечить, чтобы его пенитенциарная система гарантировала уважение к достоинству лиц, содержащихся под стражей.

Кроме того, Суд повторил, что продолжительный период содержания под стражей может быть оправдан только в том случае, если имеются доказательства, показывающие, что такое содержание осуществляется в общественных интересах, несмотря на презумпцию невиновности, чтобы оправдать потерю личной свободы, и что на государстве лежит бремя доказывания оправданности применения таких мер.

Рябикин против России
(*Ryabikin v Russia*)

№ 8320/04, 19.06.08

(ЕСПЧ: Решение по существу)

Экстрадиция

Факты

Заявитель — гражданин Туркменистана, русский по национальности. Он утверждает, что с мая 2000 г. ему угрожали правоохранительные органы Туркмении, и он опасался, что в стране ему угрожает опасность после того, как он заявил, что сотрудники министерства финансов Туркменистана вымогали взятки у его компании. В июне 2001 г. он переехал в Санкт-Петербург, получив разрешение на репатриацию у российских

властей. После того, как ему не удалось получить российское гражданство, он обратился за получением статуса беженца. В этой просьбе ему было отказано, а после этого его арестовали с целью экстрадиции в Туркменистан по обвинениям в растрате. Он неоднократно жаловался в России и на отказ в предоставлении статуса беженца и на свой арест. После этого он обратился в Европейский Суд с жалобами на нарушение ст. 3 и 5.

Решение

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном деле имело бы место нарушение ст. 3, если бы заявитель был экстрадирован в Туркменистан, поскольку обвинение против него влекло за собой тюремное заключение сроком на 8-10 лет, а дипломатические заверения о его безопасности следует поставить под вопрос, поскольку имеются достоверные сообщения о практиках, «явным образом противоречащих» принципам ЕКПЧ. Кроме того, условия его содержания под стражей и его уязвимое положение в качестве представителя меньшинства могли подвергнуть его реальному риску обращения, нарушающего ст. 3.

При рассмотрении жалобы по ст. 5(1)(f), ЕСПЧ отметил недостаток в российском законодательстве, делающий невозможным

установление органа, отдавшего распоряжение о задержании и несущего за него ответственность, выделить применимые положения закона или определить предельные сроки содержания под стражей, что в результате привело к нарушению этого права заявителя. Что же касается ст. 5 (4), то Суд постановил, что государство-ответчик обязано представить «определенное, доступное и эффективное» средство судебной защиты, а в силу отсутствия судебной меры, позволяющей добиться пересмотра законности продления содержания заявителя под стражей, имело место нарушение этого положения. Заявителю было присуждено 15 тыс. евро в порядке возмещения ущерба.

Комментарий

Данное дело ярко высвечивает осторожный подход ЕСПЧ к рассмотрению вероятности соблюдения государством дипломатических заверений в тех случаях, когда он имеет дело с предотвращением нарушений прав человека, особенно с учетом международных стандартов в области запрета на пытки. ЕСПЧ отметил необходимость объективного мониторинга в тех случаях, когда имеются доказательства и последовательные сообщения от независимых международных объединений по защите

прав человека, в которых перечисляются нарушения ЕКПЧ. Суд также повторно выразил критику в адрес российского национального законодательства, относящегося к содержанию под стражей в ожидании экстрадиции.

Другие дела ЕСПЧ

Будаева и другие против России
(*Budayeva & Others v Russia*)
№№ 15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02 & 15343/02, 20.03.08
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь / уважение имущества

Факты

Шестеро заявителей по этому делу проживали в Тырнаузе, в горной местности рядом с горой Эльбрус. После схода селевой лавины 18 июля 2000 г., органы власти объявили о срочной эвакуации жителей, однако не дали им никакого предварительного предупреждения. Когда жители вернулись домой на следующий день, второй, более мощный сель разрушил плотину и повредил большую часть домов, убив и покалечив некоторых местных жителей. Квартиры и все имущество заявителей были уничтожены. Муж первой заявительницы погиб, а ее младший сын получил серьезные травмы. Заявители жалуются на нарушения ст. 2, 8 и 13, а также ст. 1 Протокола № 1.

Решение

Европейский Суд в этом деле пришел к следующим выводам:

- в случаях, когда гибель людей потенциально задействует ответственность государства, на последнее возлагается обязанность обеспечить защиту права на жизнь и наказание виновных; власти не выполнили своего позитивного обязательства по установлению законодательных и административных рамок для решения ситуаций, представляющих угрозу для жизни. Кроме того, вопрос об ответственности государства за происшествие в Тырнаузе как таковой никогда не расследовался и не рассматривался какими-либо судебными или административными органами; в связи с этим в деле было установлено нарушение ст. 2.
- Европейский Суд присудил заявителям в совокупности 85 тыс. евро в порядке компенсации нематериального ущерба.

Комментарий

Европейский Суд вновь повторил, что ст. 2 возлагает на государства позитивное обязательство по принятию соответствующих мер, направленных на охрану жизни людей, находящихся под их юрисдикцией. Это позитивное обязательство влечет за собой первоочередную

ответственность государства по внедрению процессуальных мер, направленных на эффективное разрешение любых ситуаций, представляющих угрозу для права на жизнь. Что касается материального аспекта этого положения, то в контексте деятельности, опасной для жизни, особый акцент должен делаться на нормах, снижающих уровень возможного риска для человеческой жизни.

Корецкий и другие против Украины
(*Koretskyi & Others v Ukraine*)
№ 40269/02, 03.04.08
(ЕСПЧ: решение по существу)
Свобода собраний и объединения

Факты

Заявителями по этому делу являются четверо граждан Украины, проживающие в Киеве. 7 июня 2000 г. они учредили неправительственную организацию «Гражданский комитет по сохранению нетронутых природных областей в Березанском» (далее - Организация), а г-н Корецкий стал ее главой.

27 июля 2000 г. заявители подали заявление о регистрации организации в Киевское городское управление юстиции в соответствии с требованиями действующего законодательства. По совету городского управления в устав Организации были внесены изменения, а документы поданы повторно. 18 сентября 2000 г. городское управление

отказало заявителям в регистрации на том основании, что устав организации противоречит действующему законодательству, в частности, его положения, относящиеся к: а) территориальной сфере деятельности организации, б) экономическим и административным функциям, возложенным на ее исполнительный комитет, в) издательской деятельности и г) участию добровольцев в деятельности организации. Заявители обжаловали это решение в Печерский районный суд г. Киева, который их жалобу оставил без удовлетворения. Решение районного суда было оставлено в силе Киевским городским судом по кассации. Обе судебные инстанции сослались на основания, аналогичные приведенным управлением юстиции. Верховный Суд отклонил надзорную жалобу заявителей. Заявители обратились в ЕСПЧ с жалобой на нарушение права на свободу объединения (ст. 11).

Решение

Суд установил нарушение ст. 11 и указал, что способность учреждать юридические лица для осуществления совместной деятельности в сфере взаимного интереса является одним из наиболее важных аспектов ст. 11.

Суд установил вмешательство в право на свободу объединения на основании отказа властей в регистрации организации. При рассмотрении вопроса о

«законности» вмешательства Суд заметил, что действующее законодательство слишком неопределенно для того, чтобы заявители могли предвидеть последствия его применения, а властям была предоставлена чрезмерно широкая свобода усмотрения при вынесения решения о регистрации определенной организации.

Суд также пришел к выводу, что для ограничений, налагаемых властями на деятельность объединений, не было «неотложной общественной потребности»: в частности, правительство не привело никаких причин, оправдывающих данные ограничения. Каждому из заявителей было присуждено по 1,5 тыс. евро в порядке возмещения нематериального ущерба.

Комментарий

В этом решении Суд подчеркнул, что то, каким образом в национальном законодательстве закреплена свобода учреждения объединений, и его практическое применение органами власти, свидетельствует о состоянии демократии в данной стране.

*Раманаускас против Литвы
(Ramanauskas v Lithuania)
№ 74420/01, 05.02.08
(ЕСПЧ: Решение по существу)
Право на справедливое
разбирательство*

Факты

Заявитель, г-н Кестас Раманаускас, работал прокурором. В 1998-1999 гг.

АЗ, сотрудник специального подразделения полиции по борьбе с коррупцией, обращался к заявителю через ВС (знакового заявителя) и предлагал ему взятку в размере 3 тыс. долларов за вынесение оправдательного приговора третьему лицу. АЗ запросил официальное разрешение на использование этой «модели симуляции преступных действий» только 26 января 1999 г. На следующий день такое разрешение было выдано. Заявитель вначале отказывался от взятки, однако после того, как предложение было повторено несколько раз, согласился и получил 1,5 тыс. долларов 28 января 1999 г. и еще тысячу - 11 февраля 1999 г.

Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело по факту получения заявителем взятки. 29 августа 2000 г. Каунасский областной суд признал заявителя виновным в коррупции. Приговор было оставлен в силе Апелляционным судом и Верховным судом. Заявитель обратился в ЕСПЧ с жалобой на нарушение ст. 6 (право на справедливое разбирательство).

Решение

ЕСПЧ пришел к следующим выводам:

- действия АЗ и ВС выходили за пределы пассивных следственных действий. Они по сути являлись подстрекательством заявителя к совершению преступления, за

которое он был осужден. Не было указания на то, что преступление было бы совершено без вмешательства АЗ;

- выдав разрешение на применение этой модели действий и освободив АЗ и ВС от всякой уголовной ответственности, официальные органы узаконили предварительную фазу задним числом и воспользовались ее результатами. Соответственно, ЕСПЧ не согласился с доводами правительства о том, что действия АЗ были его частной инициативой;
- национальные органы власти не приняли на судебном уровне мер к серьезному исследованию утверждений заявителя. Не было предпринято попыток выяснить, какую роль играли в этом агенты государства, в том числе причин для проявленной АЗ «частной инициативы»;
- тем самым была нарушена ст. 6.

Комментарии

ЕСПЧ вновь повторил, что в его задачу не входит определение законности или незаконности получения доказательств, а исследование того, привел ли «незаконный» способ их добычи к нарушению какого-либо другого права. Отсюда следует, что сами по себе тайные технологии не нарушают права на справедливое разбирательство, однако их применение

должно находиться в четких рамках и содержать гарантии против злоупотребления ими. К таким гарантиям могут относиться наличие четкой процедуры выдачи разрешений, применения и надзора за следственными действиями. Как указал ЕСПЧ, «право на справедливое отправление правосудия играет настолько значительную роль в демократическом обществе, что им нельзя жертвовать ради соображений сиюминутной целесообразности».

Гужа против Молдовы

(Guja v Moldova)

№ 14277/04, 12.02.08

(ЕСПЧ: решение о приемлемости и по существу)
Свобода выражения мнения

Факты

Когда заявитель был начальником департамента прессы Генеральной прокуратуры, он передал два письма, полученные прокуратурой, в газету. Это произошло после выступления президента, которое было посвящено необходимости борьбы с коррупцией. Эти письма были впоследствии опубликованы в статье на тему злоупотребления должностными полномочиями. Ни в одном из писем не содержалось никакого указания на конфиденциальность. Первое было написано вице-спикером парламента Мишиным, который просил Генерального прокурора лично разобраться в проблеме жестокости со

стороны полиции. Второе было написано одним из заместителей министра внутренних дел.

3 марта 2003 г. заявитель был уволен на том основании, что письма носили конфиденциальный характер и их разглашение было нарушением внутренних норм. В рамках гражданского иска о восстановлении в должности он безуспешно пытался доказать, что письма не были секретными и он не был обязан консультироваться с вышестоящим начальством. Он утверждал, что содержание писем было раскрыто в общественных интересах, а последовавшее за этим его увольнение является нарушением ст. 10.

Решение

Суд рассмотрел вопрос о том, было ли вмешательство в права заявителя необходимым в демократическом обществе с целью сохранения авторитета судебной власти, предотвращения преступлений и защиты репутации других лиц. Установив нарушение ст. 10, Суд постановил, что, поскольку ни в национальном законодательстве, ни в нормах внутреннего распорядка не содержалось системы сообщения о таких проблемах, передача писем в газету была оправданной. Более того, раскрытие информации, связанной с коррупцией, является важным вопросом, представляющим общественный интерес, который перевешивает интерес

сохранения доверия населения официальным органам. Суд постановил, что заявитель не действовал в корыстных интересах или с целью мести за обиду, как утверждало правительство, а после этого подвергся наиболее серьезной санкции, оказавшей негативное воздействие на его карьеру. Ему было присуждено 10 тыс. евро компенсации.

Комментарий

Суд отметил, что ранее ему не приходилось иметь дело с ситуацией, когда государственный служащий публично разглашал бы информацию внутреннего характера. В своей оценке Суд учитывал тот факт, что, несмотря на имеющуюся у них свободу выражения мнения и, в частности, право на сообщение информации, сотрудники также несут перед своим работодателем «обязанность лояльности и сдержанности». Однако Суд постановил, что содержание писем было важным для демократического общества, а их публикация соответствовала общественным интересам. Тем не менее, государственный служащий, разглашающий такую информацию, должен в значительной степени быть защищен от чрезмерных санкций вследствие своих действий.

Комментарий: свободы для мусульман

Элеонора Давидян, юрист программы
EHRAAC-«Мемориал»

Демографический кризис среди русского населения наряду со стремительным ростом мусульманского населения в России, судя по всему вызывает у некоторых этнических русских опасения, что их страна утрачивает свою традиционную идентичность. В то же время у многих русских ислам ассоциируется с экстремистами, которые осуществили десятки взрывов и других нападений на мирное население. На российских государственных телеканалах мусульмане чаще всего изображаются не членами российского общества, а либо преступниками, либо религиозными фанатиками, которые ведут священную войну против христиан.

Ощущая эти ксенофобские и исламофобские настроения, российские власти, как нам представляется, часто вступают в конфликт с исламом, вместо того, чтобы осуществлять долгий и трудный процесс образования и установления нормальных отношений между разными сообществами. В нескольких российских регионах введены обязательные занятия по основам православной веры во всех школах. Был принят новый закон, запрещающий иностранцам, большинство из которых – мусульмане, работать в предприятиях розничной торговли и на рынках. Был запрещен ряд исламских книг, а список «экстремистских» публикаций постоянно растет.

На верующих, не принадлежащих к признанному государством официальным мусульманским объединениям, все чаще смотрят с подозрением из-за радикализации Чечни и других республик. Их обвиняют в приверженности учению ваххабитов, последователей пуританской секты из Саудовской Аравии, – это слово стало в русском языке кратким обозначением

для любого воинствующего исламиста. Под предлогом борьбы с «религиозным экстремизмом» и «исламским терроризмом» число дел, связанных с нарушениями прав российских мусульман, за последние годы значительно возросло.

Широкомасштабная кампания преследования различных мусульманских групп началась в России во имя борьбы с «международным терроризмом». Правовая основа для нее была заложена путем необоснованно широкого толкования понятия «экстремизм». Это толкование было применено в решении Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г., которым, без какого-либо обоснования по существу или какой-либо возможности обжалования для затронутых этим решением сторон, 15 исламских организаций, в том числе «Хизб ут-Тахрир», были объявлены экстремистскими и деятельность их была запрещена.

С тех пор обвинению не требуется доказывать виновность обвиняемого в совершении или подготовке террористического акта. Сам по себе факт членства в запрещенной организации уже достаточен для вынесения обвинительного приговора. В большинстве дел, связанных с членством в «Хизб ут-Тахрир», обвинения сводились к пропаганде утопических идей всемирного исламского халифата, изучения, распространения и хранения соответствующей литературы, собраниям, заговорщический характер которых определялся «кодовыми словами»: например, «давай попьем чаю» и к аналогичной деятельности¹. Однако эти обвинения приводили к осуждению в подстрекательстве других лиц к участию в террористической деятельности и созданию преступного сообщества, что влечет за собой приговор до 15 лет лишения свободы.

В других случаях обвинения основывались на заявлениях,

которые были получены в результате применения угроз и пыток². Правозащитники собрали информацию о жестоких пытках подозреваемых и лиц, которые были вынуждены стать «свидетелями» в результате таких пыток.

Суды, рассматривающие такие дела, даже не пытаются исследовать, имело ли место вмешательство в право обвиняемых на свободу слова или совести, или оценить, было ли соблюдено требование справедливого равновесия частных и публичных интересов. Единственный вопрос, который исследуется судами во время слушаний, – это то, являются ли обвиняемые членами запрещенной организации.

В результате, мусульмане де-факто не обладают правом на защиту своих интересов, поскольку существует возможность, что они могут быть связаны с террористами. Любая попытка оспорить законность этого подхода, по всей видимости, может быть сочтена оправданием терроризма³. Даже соблюдение требований ислама в отношении одежды и образа жизни может стать поводом для подозрений. Правозащитникам известны случаи, когда в качестве вещественного доказательства конфисковывались экземпляры Корана⁴.

Еще один метод «борьбы с исламским экстремизмом» состоит в незаконной экстрадиции и депортации мигрантов из Средней Азии, которых в их странах происхождения преследуют за преступления на религиозной почве⁵. В некоторых случаях людей лишают российского гражданства или даже похищают в целях исполнения договоренности с «дружественной» страной.

Дела такого рода нельзя рассматривать иначе как преследование за политические и религиозные взгляды. Мусульман также оскорбляет широко распространенная дискриминация и неуважение к их вере. Опасность

возрастания антиисламских настроений в том, что она угрожает оттолкнуть российских мусульман на обочину – и в объятия радикалов.

Утром 13 октября 2005 г. множество мужчин в Нальчике взялись за оружие, побуждаемые в основном, по словам родственников некоторых из них, преследованиями в отношении мужчин, носящих бороды, и женщин в головных платках, а также в связи с закрытием

в городе шести мечетей. Многие из убитых в Нальчике не были закоренелыми боевиками, а просто местными жителями, действия которых были продиктованы отчаянием. Многие, по словам сотрудников государственных органов, еще не были вооружены, а надеялись захватить оружие в отделениях милиции.

Те 59 человек, которых обвинили в нападении, подверглись жестоким

пыткам, по словам их адвокатов, поскольку следствию не удалось собрать какой-либо достаточной доказательной базы, и оно было сосредоточено на задержании людей, которые были ранее замечены в ревностной практике ислама. К сожалению, трагедии, подобные произошедшей в Нальчике, – неизбежный результат политики дезинтеграции и дискриминации.

1 См. жалобу по делу *Рафиков против России* (*Rafikov v Russia*, № 22519/07). Информацию об обстоятельствах этого дела см. по адресу: <http://religion.sova-center.ru/events/13B74CE/14C8529/8A5426E>.

2 См. жалобу по делу *Гаянор против России* (*Gayanor v Russia*, № 17118/06). Информацию об обстоятельствах этого дела см. по адресу: <http://www.memo.ru/hr/jbl/nov/ru050805.htm>.

3 См. жалобу по делу *Аширов против России* (*Ashirov v Russia*, № 25246/07). Информацию об обстоятельствах этого дела см. по адресу: http://xeno.sova-center.ru/89CCE27/89CD1C9/6EBEE34?pub_copy=on.

4 Правозащитный центр «Мемориал» и Комитет «Гражданское содействие». 15 апреля 2007 г. *Фабрикация уголовных дел по «исламскому экстремизму» в России: кампания продолжается*. Текст находится по

адресу: <http://www.memo.ru/2008/09/04/0409082.htm>.

5 См. жалобу по делу *Муминов против России* (*Muminov v Russia*, № 42502/06). Информацию об обстоятельствах этого дела см. по адресу: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200708/cmselect/cmfaif/51/51we09.htm>.

В Грузии все еще существуют проблемы реализации Конвенции о правах ребенка

Комитет ООН по правам ребенка (Комитет) опубликовал свои Замечания на третий периодический доклад о реализации Конвенции о правах ребенка (Конвенция) в Грузии, представленный в июне 2008 г. Несмотря на то, что Комитет приветствовал законодательные и программные меры, принятые на пути к реализации Конвенции, он очертил ряд условий, которые оказывают негативное влияние на детей в Грузии.

В докладе признается, что грузинское правительство испытывает трудности из-за фактического отсутствия контроля над двумя отколовшимися областями. Однако многочисленные проблемы были установлены и на остальной территории страны. К ним относятся: отсутствие механизма, отвечающего за координацию реализации Конвенции и нехватку адекватных человеческих и финансовых ресурсов.

Особенное беспокойство вызывают проблемы, относящиеся к детям из числа меньшинств, беженцев и внутренне перемещенных лиц, ювенальной юстиции, сфере здравоохранения и образования.

Согласно докладу, дети из числа меньшинств, инвалидов и внутренне перемещенных лиц испытывают дискриминацию. Особенно ярко это выражено среди внутренне перемещенных детей, которых помещают в сегрегированные школы, а дети из числа меньшинств не имеют возможности учиться на своем родном языке. Дети-инвалиды испытывают дискриминацию в сфере здравоохранения и образования. В силу гендерной дискриминации все это в несоразмерно высокой степени оказывает воздействие на девочек из всех этих групп.

Также в докладе была высказана обеспокоенность в отношении положения с ювенальной юстицией: отсутствие ювенальных судов, эффективных механизмов обеспечения того, что лишение свободы будет использоваться в качестве крайней меры и на максимально краткий срок, и растущее число детей, поступающих в систему уголовной юстиции, которые приговариваются к мерам наказания, связанным с лишением свободы, – все это до сих пор не решенные проблемы. Комитет высказал сожаление по поводу

решения государства снизить минимальный возраст наступления уголовной ответственности с 14 до 12 лет.

Что касается прав, связанных со здоровьем, Комитет выразил озабоченность в связи с высокой смертностью новорожденных и преждевременных рождений, особенно среди групп меньшинств, ограниченным доступом к здравоохранению, ограниченной доступностью образования в области здравоохранения и сексуального образования, и отсутствия конфиденциальной службы психологических консультаций, рассчитанных на лиц до 16 лет и чувствительной к проблемам молодежи.

В ряде своих рекомендаций Комитет призывает грузинское правительство задействовать представителей гражданского общества в процесс продвижения реализации Конвенции о правах ребенка.

Текст доклада опубликован по адресу: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/crcs48.htm>.

Информация об EHRC

Европейский центр защиты прав человека (EHRC) создан в 2003 г. при Лондонском университете Метрополитан с целью оказания помощи юристам, частным лицам и неправительственным организациям (НПО) в Российской Федерации и Грузии в обращении в Европейский Суд по правам человека, а также передачи навыков и повышения потенциала местного правозащитного сообщества и информирования о нарушениях прав человека в этих странах.

В настоящее время в производстве EHRC находится около 150 дел, затрагивающих более чем 550 непосредственных жертв и их ближайших родственников. Эти дела поднимают в том числе такие проблемы, как внесудебные казни, дискриминация по этническому признаку, исчезновения, загрязнение окружающей среды и уголовная юстиция. Помимо работы в рамках официальных партнерств (см. ниже) EHRC сотрудничает с Комитетом по правам человека Коллегии адвокатов Англии и Уэльса и с многочисленными НПО, юристами и частными лицами в странах бывшего Советского Союза. Более подробную информацию см. по адресу: www.londonmet.ac.uk/ehrc.

Стажировки

В офисах EHRC в Лондоне и Москве возможно прохождение стажировки юридического и общего характера. В зависимости от подготовки и навыков стажера работа может включать в себя помощь в ведении дел, подготовку обзоров, сбор и подготовку учебных материалов, проведение исследований, фандрайзинг, написание информационных материалов, работу с прессой и основные административные обязанности. К сожалению, EHRC не в состоянии предоставить оплачиваемую стажировку, однако дает возможность получить ценный опыт правозащитной деятельности и работы в НПО. За дополнительной информацией или с заявлениями обращайтесь к нам по электронной почте.

EHRC благодарит авторов материалов, опубликованных в этом номере:

Григор Аветисян, Михала Бальсевича, Вахтанга Вахтангидзе, Якуба Воласевича, Элеонору Давидян, Натю Кациадзе, Ию Квициани, Анджелу Патрик, Итендру Сенгани, Джоан Соьер, Кирсти Стюарт, Ника Уильямса, Мусу Хасанова, Мэтью Хэпполда, Татьяну Черникову, Усмана Шейха, Лауру-Полин Эдкок. Этот номер подготовили Тина Девадасан, Филип Лич и Кирсти Стюарт. Дизайн подготовлен Torske & Sterling Legal Marketing. Перевод большинства материалов – Татьяна Томаева.

Проект EHRC-GYLA

ТБИЛИСИ
Главный офис GYLA
ул. Крылова, 15, 0102
Тел.: +995 (32) 93 61 01
Факс: +995 (32) 92 32 11
www.gyla.ge

Софио Джапаридзе, юрист ЕКПЧ
Прямой телефон: +995 (32) 95 23 53
E-mail: sofo@gyla.ge

Проект EHRC-«Статья 42»

ТБИЛИСИ
ул. Шевченко, 12, 0108
Тел.: +995 (32) 99 88 56
Факс: +995 (32) 93 28 59
www.article42.ge

Натия Кациадзе, юрист
E-mail: natia@article42.ge

«EHRC бюллетень»
Учредитель: Межрегиональная общественная организация Правозащитный центр «Мемориал»
Гл. ред.: Касаткина Т.И.
Выпуск 3(3) от 24 ноября 2008 г.
Тираж: 2 250 экз.
Распространяется бесплатно
Адрес редакции и учредителя: 127051, г. Москва, М. Каретный пер., д. 12
Отпечатано в типографии ООО «Алькор-4»: 11024, Москва, Шоссе Энтузиастов, 9а
Номер заказа:
EHRC бюллетень зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-30927 от 18 января 2008 г.

Бюллетень EHRC выходит дважды в год. Мы приветствуем статьи, информацию и идеи. Статьи для публикации следируют на правлять в EHRC по электронной почте. Материалы бюллетеня можно перепечатывать без получения предварительного разрешения. Однако во всех перепечатках следует делать ссылку на EHRC и на правлять нам копию издания.

Проект EHRC-«Мемориал»

В партнерстве с «Мемориалом» EHRC работает с 2003 г. «Мемориал» — это одна из старейших и наиболее уважаемых правозащитных организаций России. Совместная деятельность EHRC и «Мемориала» осуществляется в трех основных сферах: ведение судебных дел по правам человека, обучение в области прав человека и распространение информации.

Проект EHRC и Ассоциации молодых юристов Грузии

В начале 2006 EHRC сформировал партнерство с пользующейся заслуженным уважением неправительственной организацией — Ассоциацией молодых юристов Грузии (GYLA). В рамках этого совместного проекта предусмотрено ведение дел в Европейском Суде по правам человека и проведение обучающих семинаров в Грузии, а также участие делегата от Ассоциации в программе EHRC по повышению юридической квалификации в Лондоне и Страсбурге.

Проект EHRC-«Статья 42»

В 2008 г. EHRC сформировало сотрудничество с грузинской НПО «Статья 42 Конституции». EHRC оказывает этой организации поддержку в подготовке дел для Европейского Суда с 2006 г. Юристы «Статьи 42» также посетили учебные семинары, проводимые EHRC в Грузии и участвовали в программе EHRC по повышению юридической квалификации.

Контактная информация EHRC

Офис EHRC в Лондоне

European Human Rights Advocacy Centre
London Metropolitan University
LH 222, Ladbroke House
62-66 Highbury Grove, London N5 2AD
United Kingdom
www.londonmet.ac.uk/ehrc

Проф. Филип Лич, директор
Тел.: +44 (0)20 7133 5111
E-mail: p.leach@londonmet.ac.uk

Тина Девадасан, менеджер проекта
Тел.: +44 (0)20 7133 5087
E-mail: ehrc@londonmet.ac.uk

Джоанна Эванс, старший юрист
Тел.: +44 (0)20 7133 5258
E-mail: joanna.evans@londonmet.ac.uk

Оксана Попова, администратор
Тел.: +44 (0)20 7133 5090
E-mail: o.popova@londonmet.ac.uk

Кирсти Стюарт, сотрудник по вопросам развития и связей с общественностью
Тел.: +44 (0)20 7133 5156
E-mail: k.stuart@londonmet.ac.uk

Проф. Билл Боулинг, Председатель
Международного наблюдательного комитета
Тел.: +44 (0)20 7631 6022
Моб.: +44 (0)781 048 3439
E-mail: b.bowling@bbk.ac.uk

Проект EHRC-«Мемориал»

127057, Москва, М. Каретный пер., д. 12

Тел.: +7 (495) 225 3117
Факс: +7 (495) 624 2025
Сайт: <http://ehrcmos.memo.ru>

Татьяна Ивановна Касаткина,
исполнительный директор
E-mail: memhrc@memo.ru

Координатор проекта
E-mail: admin@ehrc.memo.ru

Юристы проекта EHRC «Мемориал»:

Григор Аветисян, avetisyan@ehrc.memo.ru
Надежда Деева, deeva@ehrc.memo.ru
Татьяна Черникова, chernikova@ehrc.memo.ru

Кирилл Коротеев, юридический консультант
E-mail: koroteev@ehrc.memo.ru

Ирина Ананьева (офис в Рязани)
390000, Рязань, Главлпочтамт, а/я 20
Тел./Факс: +7 (4912) 25 51 17
E-mail: ananas77@mail.ru

Иса Гандаров (офис в Назрани)
386100, Ингушетия, Назрань, ул.
Моталиева, 46
Тел./Факс: +7 (8732) 22 23 49
E-mail: isa@southnet.ru

Марина Дубровина (офис в Новороссийске)
353900, Новороссийск,
ул. Октябрьская, 1/3, кв. 27
Тел./Факс: +7 (8617) 61 23 72
E-mail: almad@mail.kubtelecom.ru

Докка Ицлаев (офис в Урус-Мартане)
Чеченская Республика, Урус-Мартан,
ул. Кадырова, 33, кв. 4
Тел./Факс: +7 (87145) 2 22 26
E-mail: dokka@mail.ru

Ольга Цейтлина (офис в Санкт-Петербурге)
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 12, кв. 42
Тел.: +7 (812) 327 35 09
Факс: +7 (812) 279 03 71
E-mail: oosipova@hotmail.com